

П 9152

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

Выпуск IV.

КАРЛ МАРКС МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИОНЕР

2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО - 1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

под общей редакцией Д. Б. Рязанова.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под редакц. и с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. К. Маркс. Статьи и письма 1837—1844 гг. С иллюстрац. Стр. XXXII+564. Ц. 1 р. 80 к. в папке.

Т. II. Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1839—1844 гг. С иллюстрац. Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к. в папке.

Т. X. К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспон. 1852—1854 гг. Письма об Англии. Восточный вопрос. Пальмерстон. Стр. 600. Ц. 3 р. 25 к.

Т. XI. К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1854—1855 гг. Крымская война. Министерство Пальмерстона. Джон Россель. Испанская революция. Стр. 654. Ц. 3 р. 50 к.

К. Каутский. Собрание сочинений. Под ред. Д. Рязанова.

Т. X. Происхождение христианства. Изд. 2-е, доп. Стр. 454. Ц. 2 р. 25 к.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Под ред. Д. Рязанова.

Т. I. Статьи до 1833 г. Период народнический. Изд. 3-е. Страниц 364. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. II. Статьи 1883—1888 гг. От основания группы „Освобождение Труда“ до организации „Русского Социал-Демократического Союза“. Стр. 406. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. в папке.

Т. III. На русские темы. 1888—1892 гг. Изд. 2-е. Стр. 430. Ц. 2 р. 50 к. в п.

Т. IV. На международные темы. 1888—1894 гг. Изд. 2-е. Стр. 333. Ц. 2 р. 60 к. в папке.

Т. V. Н. Г. Чернышевский. Кн. I. Изд. 2-е. Стр. XVI+363. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 50 к.

Т. VI. Н. Г. Чернышевский. Кн. II. Изд. 2-е. Стр. VIII+413. Ц. 2 р. 50 к. в п.

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Издание 2-е. Стр. 331. Ц. 2 р. в папке.

Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Издание 2-е. Стр. 411. Ц. 2 р. 60 к. в папке.

Т. IX. Против народничества. Изд. 2-е. Стр. IV+367. Ц. 2 р. 25 к., в п. 2 р. 60 к.

Т. X. Литературно-критические ст. (1888—1903). Изд. 2-е. Стр. IV+462. Ц. 2 р. 60 к. в папке.

Т. XI. Критика наших критиков. (1889—1902). Изд. 2-е. Стр. IV+398. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XII. Вопросы программы и тактики. (1900—1903). Изд. 2-е. Стр. VIII+536. Ц. 3 р.

Т. XIV. Искусство и литература. Стр. VIII+350. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XVI. Вопросы социализма и рабоч. движен. Стр. VIII+383. Ц. 2 р. 25 к.

Т. XVII. Против эмпириомонизма и богоискательства. Страниц VIII+347. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XVIII. От утопии к науке. Стр. VIII+335.

Т. XX. История русской общественной мысли. Кн. I. Стр. XXVIII+366. Ц. 2 р.

Т. XXI. Кн. II. Стр. 296. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XXII. Кн. III. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XXIII. Статьи по истории русской общественной мысли в XIX в. (Статьи о Чаадаеве, Белинском, Герцене др). (Печ.).

П. Лафарг. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова.

Т. I. Предисловие Д. Рязанова. Содержание: Из истории социализма во Франции в последнюю четверть XIX ст. — Программные и тактические работы. — Воспоминания. — Указатель имен. С портретом Лафарга.

Т. II. 1. Экономические работы. 2. Из истории социализма. (Печ.).

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА
под редакцией Д. РЯЗАНОВА

ВЫПУСК IV

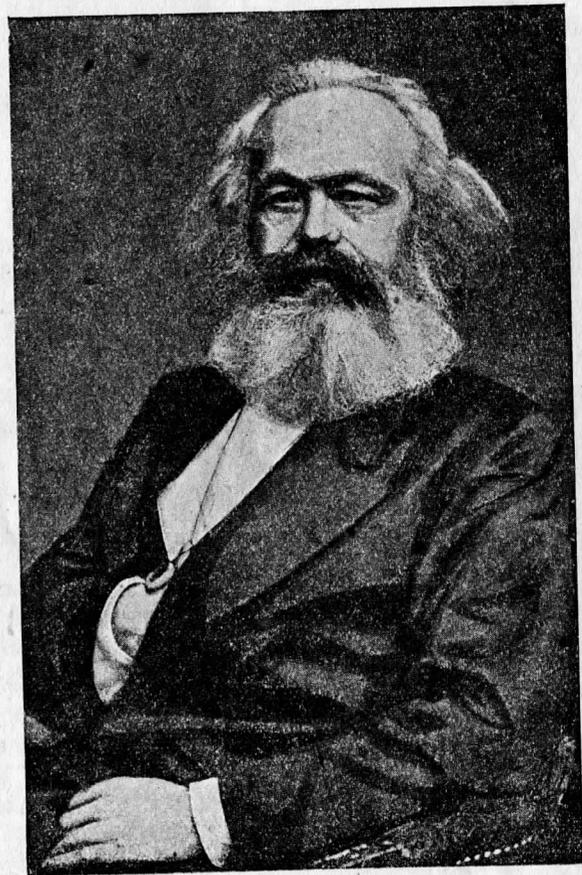
КАРЛ МАРКС
МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК,
РЕВОЛЮЦИОНЕР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

№ 63

82

К. Маркс в 1880 г.

КАРЛ МАРКС

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением XIX столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовывал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое современем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция, и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения «практического разума», научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех, иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных, планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть

революционером и по логике и по чувству, т. е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционеров.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом XIX века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время, как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплуататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплуатируемых. И теперь, в начале XX века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им как одним из самых всеобъемлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется первого мая, называется Карл Маркс» — писала одна буржуазная венская газета в конце апреля 1890 г. И, действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого объединила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками: современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небесное предоставит в распоряжение ангелов и птиц...

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и, главное, с таким основательным знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западно-европейских современников. Немецкий рабочий Леснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению

русского перевода «Капитала» и как приятно было ему верить, что в России появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической Партии», подписанного им и Энгельсом, видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприимном доме ¹⁾ русские изгнанники, показывают его отношения к Лопатину и Гартману. Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западно-европейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848—1851 г. г. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании первого тома «Капитала» заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас в виде программы партии так называемых социалистов-революционеров. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самонаименованного отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто объясняется непримиримой противоположностью взглядов ²⁾. Когда издания группы «Освобождение Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс в письме к В. И. Засулич выразил сожаление о том, что

¹⁾ Тот же рабочий Леснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей».

²⁾ Бывший «марксист», а ныне вульгарный экономист. г. М. Туган-Барановский в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» (стр. 294) повторяет анархическую сплетню о том, что Маркс будто бы содействовал распространению печатной клеветы на Бакунина. Здесь не место разбирать доводы, приводимые обыкновенно в подкрепление этой выдумки. Мы подробно поговорим о них в «Заре», где легкомысленное произведение г. Туган-Барановского получит достойную оценку. Но не мешает заметить, что наш бывший «марксист» вовсе не потрудились подвергнуть критике свои источники. Он голословно повторяет обвинение, которое, не будучи доказано, в свою очередь становится клеветой.

это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих? Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услышать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону! В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди поглядывали на эту редкость, в лучшем случае, с улыбкой добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые по старой привычке отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже, — и несмотря на свою по большей части очень громкую революционную фразеологию, — перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Немало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Миролюбивые, но недалекие люди объясняли эти стычки его, будто бы, неудержимой страстью к полемике, которая в свою очередь, будто бы, порождалась его, будто бы, злым характером. На самом деле та почти непрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших и в теории, и на практике всецело встать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелко-буржуазного социализма, очень многочисленными тогда, особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся в хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача, — говорил журнал Маркса, «Новая Рейнская Газета» в апреле 1850 г., — состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой де-

мократической популярности». Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознание пролетариев, между тем как мелко-буржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собой многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему неподражаемым умением. Его примера не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволюционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелко-буржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей, — например, хорошо известных нашим читателям «социалистов-революционеров», — как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса — современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты наголову, когда их старозаветные теории превратились в груды безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна идти вперед, но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили попятное движение и расположились на теоретических позициях западно-европейских буржуа социал-реформистского оттенка. Как ни жалок был этот результат столь крикливо

возвещенного «критического» похода и как ни тяжело было русским социал-демократам присутствовать при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сблизиться, но по зрелом рассуждении они должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выработанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—1896 г.г. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели ничего общего ни с пролетариатом, ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошиблись, утверждая, что образ мысли определяется образом жизни и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика Маркса», начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишней раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мысли «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, — полной труда, борьбы и лишений, — горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплуатации. Маркс, как вожак революционного пролетариата, казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был только тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической Партии» объявил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в борьбе с абсолютной монархией и мелким помещанством. Их интересовала только демократическая половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место — в рядах либеральной

оппозиции, которой они и дали, — в лице редактора «Освобождения», г. П. Струве, — внимательного, старательного и талантливое литературного выразителя.

Судьба марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры, истории, права, литературы и искусства, тем плотнее подходили исследователи к историческому материализму, несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или, как огня, боялось его материалистических, т.-е., в глазах современной буржуазии, безнравственных и опасных для общественного спокойствия, взглядов. И мы видим, что материалистическое объяснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое объяснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса. Зелигман дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение, — которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критических заметках» г. П. Струве, — служит новым доказательством той не новой уже истины, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восставал против бога и капитала, как гетевский Прометей восставал против

Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что его задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржуазные идеологи именно этому-то боже-ству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога и капитала. Ученые Франции, и вообще стран французского языка, в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавелэ говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа скомпрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». Ввиду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мера их «критического» отношения к Марксу является мерой несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее, — которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплуатации, — навсегда сохранит за собой в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитают «субъективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплуатации пролетариата буржуазией и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое

самосознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте их революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие редактора	5
<i>Фр. Энгельс.</i> Карл Маркс	11
<i>Фр. Энгельс.</i> Письмо к Зорге о смерти Маркса	23
<i>Фр. Энгельс.</i> Речь над могилой Карла Маркса	27
<i>Элеонора Маркс.</i> Карл Маркс	30
<i>Карл Маркс.</i> Памяти июньских бойцов	39
<i>Карл Маркс.</i> Революции 1848 г. и пролетариат	44
<i>Г. Плеханов.</i> Карл Маркс	47
<i>Франц Меринг.</i> Маркс и революция	56
<i>Роза Люксембург.</i> Застой и прогресс в марксизме	62
<i>Н. Ленин.</i> Марксизм	69
<i>К. Тимирязев.</i> Ч. Дарвин и К. Маркс	95
<i>П. Лафарг.</i> Карл Маркс	104
<i>Фр. Леснер.</i> Воспоминания рабочего о Марксе	127
<i>Вильгельм Либкнехт.</i> Маркс и дети	137
<i>Вильгельм Либкнехт.</i> В поле и на лугу	143
<i>Н. Ленин.</i> Гайндман о Марксе	149
<i>Д. Рязанов.</i> «Исповедь» Карла Маркса	156